

НУ ЧЕГО ТЕБЕ ЕЩЕ?!

АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ – 70

Нам не надо гадать – откуда, как, почему?

Он сам рассказал об этом.

Все началось со школьной тетрадки и письма, которые московский шестиклассник Андрюша Вознесенский, «никому не сказавшись», отправил Борису Пастернаку, в Лаврушинский.

«Это был первый решительный поступок, определивший мою жизнь. И вот он отозвался и приглашает к себе на два часа, в воскресенье».

Звонок и удивленный возглас мамы: «Тебя Пастернак к телефону!» был таким потрясением для четырнадцатилетнего подростка, что сейсмические волны от него не затихают вот уже более полувека.

Потом, когда их встречи стали частью жизни для обоих («Он был одинок в те годы, устал от невзгод, ему хотелось искренности, чистоты отношений... Его тянуло к детству. Зов детства не прекращался в нем»), он однажды услышал из уст мастера слова, которые, словно блоки на стройке нового дома, Андрей Вознесенский положил в фундамент своей литературной работы:

«Художник по сути своей оптимистичен. Оптимистична сущность творчества. Даже когда пишешь вещи трагические, ты должен писать сильно, а уныние и размазня не рожают произведения силы».

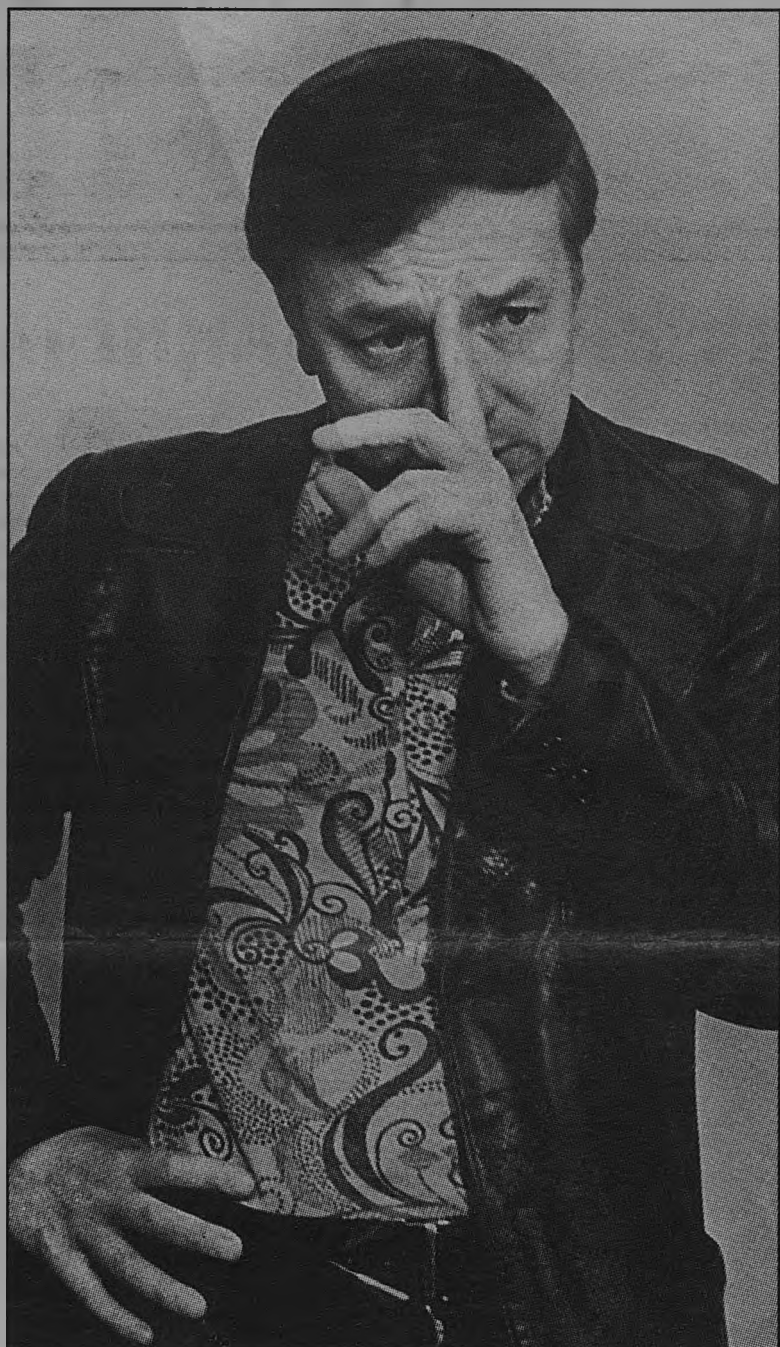
...Из тоненькой школьной тетради в линейку с годами, словно из волшебного семечка, выросло могучее дерево.

Его жизненную силу во многом определила прививка из пастернаковского сада к упругому пруту, пробившемуся сквозь московский асфальт.

Уже с самого начала он, не зная ставшего сакраментальным завета Рэя Брэдбери: если тебе дали бумагу в линейку – пиши поперек, – дерзко нарушил правила литературного чистописания. И потому на его яблонях росли треугольные груши и другие диковинные плоды, невиданные ранее в «ассортименте» русской поэзии. Вознесенского боготворили и проклинали, «пересказывали с одобрением и смешивали с удобрением». Но слушать его приходили стадионы. Поэзия Вознесенского, Евтушенко, Рождественского, Ахмадулиной («Нас мало, нас, может быть, четверо...») потеснила футбол в Лужниках. В Большом зале Политехнического «рифмованные лекции» стали традицией, продолжившей Маяковского...

Выпускник Московского архитектурного, мечтавший строить города («Я со скамьи студенческой мечтаю, чтобы здание ракетой ступенчатой взвивалось в мироздание»), строил, но не кельмой, а пером, здание собственной планировки, где классическая строгость органично соединилась с модерном алюминия и стекла, сохранившим тепло и уют...

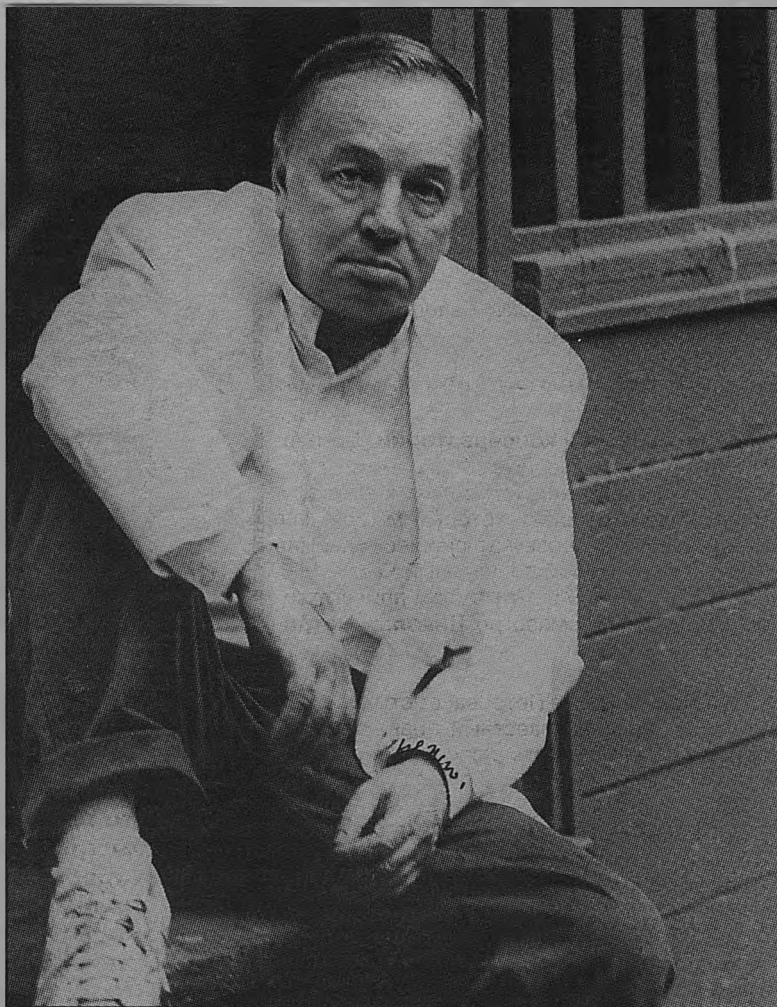
Сотворенное им – обширно и многообразно. Свод поэм, начавшийся «Мастерами». Одна из них, став рок-оперой в «Ленкоме» Марка Захарова, побила все рекорды театра по числу прошед-

ших спектаклей. Событием стала «Поэстория» с Родионом Щедриным. Стихи Вознесенского положили на музыку Бабаджанян, Паулс, Мартынов... И «элитного» поэта запела страна.

Его строки давно уже разлетелись по миру, переведенные на десятки языков – «от санскрита до иврита». Он – лауреат Государственной премии, почетный член Французской академии поэзии Малларме, Американской и Баварской академий искусств, кавалер орденов и высших литературных наград Европы и Америки. Правда, я ни разу за четверть века дружбы с Андреем Вознесенским не видел на его пиджаке (да, от Кардена!) ни одной «цапки». Иногда можно заметить какую-то розеточку в петлице, но поди догадайся – что это и за что.

Не уверен, что «юбилейность» этих заметок придется по душе их адресату: он не любит речей с официальных и иных трибун. Видимо, с той поры. Как на него орал Хрущев на встрече с творческой интеллигенцией. Да я и не умею писать подобное. У меня другая «специализация» – эпиграммы, пародии. Но эти жанры едва ли уместны в столь торжественных случаях, в чем убедился я десять лет назад, посвятив нынешнему юбилею две строки:

На тебя орал Хрущев.

Ну чего тебе еще?!

Думал: здорово, оригинально, всех переплюнул! Однако был поправлен «старшими товарищами»: о классиках, да еще в столь важные даты, так не пишут, дорогой.

Вот и пишу теперь «не так», дорогие, хотя на моем столе лежит новая (десятая по счету) пародия на стихи Вознесенского. Он ее видел. Понравилось. Напечатаю, если Бог даст, после юбилея. Ибо хотя он и классик, хотя имя его всемирно – он нормальный человек, лишенный петушиных замашек. Он оставит тебе на крыльце своей дачи бутылку водицы «Святой колодец», если ты пришел к нему в жаркий день, а он вдруг неожиданно отлучился. Он сделает крюк на своем «жигуленке», чтобы отвезти тебя домой с затянувшегося вечера в ЦДЛ...

Среди его стихов, поэм, баллад, сонетов, монологов, пьес,

удивительно лиричной прозы есть четыре строчки, которые, на мой взгляд, являются ключом к литературному и человеческому деяниям Андрея Вознесенского:

Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищемленная дверьми.

Всю свою жизнь – словом написанным или сказанным – Андрей Вознесенский старается шире приоткрыть эту тяжелую дверь, чтобы больше было света – у нас в душе, в стране и в мире.

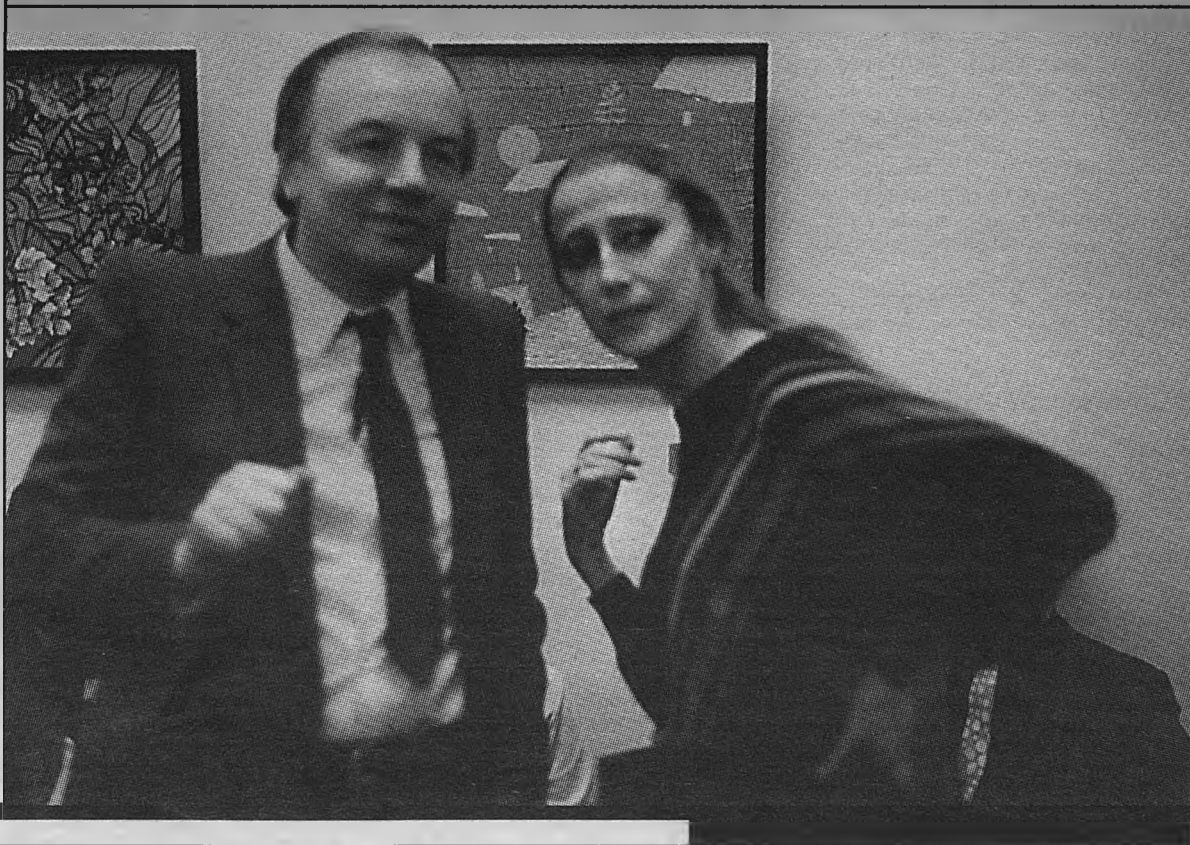
И это ему удастся.

И потому осень его светла и радостна, тепла и плодоносна. Вопреки законам природы. У поэзии свои законы. И еще с пушкинских времен осень – ее любимая пора.

С Днем рождения, Андрей Андреевич!

Алексей ПЬЯНОВ,
главный редактор
журнала «Крокодил»

P.S. Снимок, который я отобрал для этих заметок, сделан в редакции журнала «Юность», который, по замечанию Вознесенского, стал Лицом для целого поколения и пишущих, и читающих. И Майя Плисецкая оказалась здесь не случайно: тогда, двадцать лет назад, в «Юность» запросто заходили Плисецкая и Щедрин, Хачатурян и Бондарчук, Тур Хейердал и Андроников, Шкловский и Каверин... А Вознесенский и Плисецкая («Плисецкая – Цветаева балета») – друзья и единовольцы. Вот и встретились они в самом начале восьмидесятых на одном из вернисажей в легендарном журнале.

Вознесенский Андрей
15.05.2003